

Ф. ВЕНТУРИ

**НЕАПОЛИТАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ
НА РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ (1768—1774)**

Отклики из Тосканы и других итальянских областей на появление русского флота в Средиземном море в 1770 г. тщательно собирались и описывались вплоть до недавнего времени.¹ Вероятно, меньше известно о том впечатлении, которое политика Екатерины II в Греции и в Италии произвела в Неаполе. Однако именно на юге Италии дискуссия о значении и возможностях русского вмешательства в Эгейском и Тирренском морях была особенно широкой и оживленной, и также особенно сильны были надежды и разочарования, вызванные действиями армии и флота братьев Орловых.

Развернем самую значительную газету тех лет — «Notizie del mondo», выходившую во Флоренции. Публиковавшиеся в этой газете весной 1770 г. все более многочисленные известия о восстании греков на Пелопоннеском полуострове (Морее) и о русской помощи приходили именно из Неаполя. «Четырнадцать тысяч лакедемонян ворвались в крепости Морей и подняли на восстание всех греков, — читаем в номере от 21 апреля. — Русский флот прибыл <...> с помощью майнотов и других греков, населяющих эту область, которые как муравьи сбегались с оружием в руках <...> они захватили крепости в Модоне, Мистре, Гартани, Патрах и других городах». Известия из Корфу были великолепны: «Говорят, что дисциплина на русском флоте и в армии превосходна и что все довольны <...> Не избежала волнений» и «ближайшая область материка — Эпир» (19 мая 1770).

¹ Берков П. Н. Доминик Блекфорд и русская литература. — В кн. Научный бюллетень ЛГУ, № 8, 1946, с. 12 и сл.; Venturi F. 1) Qui est le traducteur de l'Essai sur la littérature russe? — Revue des études slaves, t. 38, 1961, p. 217 sgg; 2) I rapporti italo-russi dalla seconda metà del Settecento al 1825. — I quaderni di Rassegna sovietica. Atti del II Convegno degli storici italiani e sovietici. Roma, maggio 1966, quaderno II, 1968, p. 6 sgg.

Казалось, что Греция в самом деле вот-вот сбросит турецкое иго, однако уже в июне появились слухи о поражении и отступлении русских. Из Неаполя поспешили эти слухи опровергнуть. В номере от 23 июня утверждалось, что «граф Орлов <...> занял даже Коринф <...> Со стороны моря опасаться нечего, а потому в скором времени и остальная часть государства будет во власти русских (*moscoviti*). Граф Орлов очень доволен тем воодушевлением, с каким греки способствуют своему освобождению». Ему даже стоило немалого труда сдерживать «это огромное воодушевление и стремление греков тотчас же уничтожить все полумесяцы и поднять на их месте кресты и русских орлов <...> Тот же граф Орлов пишет многим корреспондентам, что, хотя греческий народ и находился под игом угнетения, он сохранил свои прежние силы и мужество, чтобы вернуть себе древнюю славу». Однако это традиционное мнение и грандиозные надежды не могли долго заслонять печальную действительность. И как вынуждена была написать газета «*Notizie del mondo*» 28 июля 1770 г., — на этот раз в корреспонденции из Венеции: «Демонстративные действия русских не привели к тому счастливому исходу, на который все надеялись <...> На Ионические острова — Кефаллиния, Закинф и Корфу² переселилось более 20 000 человек, бежавших с Мореи и с ближайших к архипелагу островов; и возможно они уже больше не возвратятся в свои родные места». С этой трагедией, однако, очень скоро примирились и перестали о ней вспоминать. 20 ноября 1770 г. в «*Notizie del mondo*» писалось о большом бале в Петербурге в связи с Чесменской победой. В сообщении упоминались аргонавты, христианские рабы, Петр I, Минерва, Язон и русский гений, а крестьяне и горцы, изгнанные со своих земель на Морею, конечно, были забыты.

В Неаполе, однако, эта первая вспышка сочувствия, это первоначальное представление о греческом возрождении при поддержке России не погасли и не исчезли совсем: они оставили глубокие и знаменательные следы. Пребывание русских офицеров в Неаполе зимой 1770—1771 года, их попытки завербовать людей и собрать средства для возобновления войны в Греции, присутствие в неаполитанском войске албанского полка — все это поддерживало постоянное внимание ко всему, что касалось России и Греции. Газета «*Notizie del mondo*» от 16 марта 1771 г. описывала необычное для Неаполя зрелище: «Господа русские офицеры» в воскресенье направлялись «в греческую церковь на богослужение» в сопровождении «албанского маршала и многочисленных офицеров этой нации; а потом два батальона из албанского полка выстроились без оружия по обеим сторонам дороги, по которой русские офицеры возвращались на свои квартиры». 20 апреля описывалась русская пасха в Неаполе и проезд гене-

² Эти острова в тот период принадлежали Венецианской республике (Ред.).

рал-лейтенанта Шувалова. 10 мая сообщалось: «Утром, около десяти часов, в наш город прибыл генерал граф Орлов; после короткой остановки на несколько часов он сразу же отправился в Ливорно». Из Ливорно для номера газеты от 10 сентября пришло письмо, содержащее высокие похвалы Алексею Орлову, — типичный пример пропаганды, которая велась в Италии вокруг него и двора Екатерины II.

В «Notizie del mondo» помещались не только сведения о войне и официальная пропаганда. 16 апреля газета писала об известном неаполитанском эллинисте Доменико Диодати — авторе очень своеобразной книги, озаглавленной «De Christo Graece loquente». Д. Диодати послал свою книгу в Петербург, и она принесла ему «высочайшие заслуги при этом дворе», а также «великолепную золотую медаль» и, наконец, присланный самой Екатериной II «том in quarto, <...> в отличном переплете, с золотым орнаментом, заключенный в чехол из кожи — черной снаружи и красной внутри», том, содержащий «план свода законов для ее обширной империи», отпечатанный «на славянском, латинском, французском и немецком языках, с хорошо отгравированным символическим орнаментом и заставками. Печать и бумага очень чистые и ничем не уступают любому из лучших европейских изданий».³

Гораздо больший политический вес, чем обмен книгами между Диодати и Екатериной II, имела похвальная «Речь» Алексею Орлову, написанная в 1771 г. одним из наиболее самодеятельных и энергичных молодых просветителей в Неаполе того времени — Франческо Марио Пагано, который в последующие годы опубликовал некоторые из самых значительных книг реформаторского движения южной Италии и которому суждено было умереть в 1799 г. мучеником за свою убежденную и страстную деятельность в якобинской неаполитанской республике. В 1771 г. Пагано было 23 года. За три года до этого он опубликовал исследование о римском праве, озаглавленное «Politicum universae Romanorum nomothesiaе examen». В этом исследовании соединилась

³ См. также письмо Григория Васильевича Козицкого * к Д. Диодати, опубликованное в «Notizie del mondo» от 9 января 1770 г., в котором он объяснял ученому неаполитанцу, что «мы, русские, в наших церквях пользуемся только родным языком», не прибегая к греческому; ср.: Diodati Luigi. Memorie della vita di Domenico Diodati. Napoli, 1815, р. 12. — Здесь подробно рассказано о попытках Д. Диодати наладить связь с Россией через посредство Метастазия, сардинского посла в Вене Мальбаиллы ди Канале, русского посла при императорском дворе Голицына, а также описаны многочисленные трудности на этом пути. На с. 20 книги отмечалось, что это самое издание «Наказа» Екатерина II подарила только двум итальянцам — Диодати и Беккарии.

* В журнале Н. И. Новикова «Живописец» (1772, л. 12) помещен «Перевод с письма господина Доминика Диодати из Неаполя 1771 года, октября 7 дня, писанного к Россиянину, посланному к нему в подарок „Наказ“ ее императорского величества, данный комиссии о сочинении Проекта Нового Уложения»; по-видимому, этот «россиянин» — Г. В. Козицкий (Ред.).

оригинальная интерпретация античности с попыткой реформировать современную юриспруденцию, причем автор столько же вдохновлялся Платоном, сколько «Утопией» Томаса Мора. В следующем 1769 г. он выпустил в свет свой труд «Disegno del sistema della scienza degli uffizi», написанный по совету его учителя Антонио Дженовези, труд, в котором пытался сформулировать свои собственные моральные и политические убеждения.⁴ А в 1771 г. вышла книга Пагано «Oratio ad comitem Alexium Orlow virum immortalem, victrici Moschorum classi in expeditione in Mediterraneum mare summo cum imperio praefectum».⁵ Уже с детства, писал о себе Пагано, изучая античность, он начал надеяться, что с помощью русских «Graeci autem servitute liberati ad pristinam gloriam revocarentur».⁶ Эта любовь к Элладе входила в его общую концепцию о превратностях человеческих судеб, которую впоследствии он изложил в своих очерках «Saggi politici». Наблюдения над мировой историей вселяло в него оптимизм в отношении будущего Греции — колыбели европейской цивилизации, Греции, находившейся теперь под гнетом варварства. И вот русские пришли к ней на помощь. Необычайно быстрым было развитие России, культура и энергия которой стали объектом восхищения в мире. Пагано казалось, что он уже видит перед собой необъятную будущую империю русских, возникшую на развалинах империи, на святой земле и на земле Эллады. После преувеличенных похвал русскому адмиралу, панегирик заканчивался восхвалением Екатерины II, постигшей ту «divina voluptas», которая рождается «cum homines vel aerumnis liberamus vel feliciores afficimus».⁷ Не завоевание, а освобождение — такова цель русского вмешательства.

Неудивительно, что такой восторженный панегирик был радостно принят Петербургской Академией наук и что ее директор С. Г. Домашнев 15 (26) мая 1779 г. послал Пагано медаль и обширное благодарственное письмо.⁸ Но политический смысл «Oratio» Ф. М. Пагано, вероятно, следует искать не столько в прославлении Екатерины II и ее генералов и адмиралов, сколько в посвящении, обращенном к лицу гораздо менее именитому, но несомненно более значительному — «comiti Antonio Giccae Epirotae in Russorum exercitu centurioni, nobilissimo viro».⁹ Отец Ан-

⁴ Solari Gioele. Studi su Francesco Mario Pagano. A cura di Luigi Firpo. Torino, 1963, p. 359 sgg.

⁵ «Речь к графу Алексею Орлову, бессмертному мужу, главнокомандующему московским флотом в экспедиции на Средиземном море» (лат.).

⁶ «греки, освобожденные от рабства, вернутся к прежней славе» (лат.).

⁷ «божественную радость [которая рождается] когда мы или освобождаем людей от бедствий или делаем их более счастливыми» (лат.).

⁸ Это письмо было опубликовано в 1782 г. самим Пагано в приложении к его трагедии «Фиванские изгнанные».

⁹ «графу Антонио Джикке эпироту, офицеру в русском войске, благороднейшему мужу» (лат.). В некоторых русских источниках того времени его называют А. Гика (Ред.).

тонио Джикки был полковником Македонского полка неаполитанской армии и отличился в войне за австрийское наследство в битве под Веллетри. Антонио был одним из самых активных и мужественных приверженцев русской политики в Албании и Греции, «полномочный депутат от албанской нации» и ответственный за набор «Албанского легиона», который предполагалось сформировать в 1771 г. под началом Домашнева для борьбы против турок.¹⁰ В своем посвящении Пагано выражает особую гордость дружбой с Джиккой, который «Xenofontis exemplum e censorioribus Graecis unus tantum sequutus, literas armis, Graecam Fortitudinem cum summa patriae caritate coniunxerit».¹¹ Джикка сам рассказал Пагано о действиях русских и убедил его в необходимости бороться за свободу Греции. В общем, в глазах Пагано Джикка был человеком, который сумел соединить слово с делом, увлечение античностью с повседневной суровой борьбой. Как же не пожелать ему достичь высшего положения в армии и увидеть свою родину освобожденной от варваров и процветающей?

Как раз в то время, когда Пагано обращался к своему другу-эпироту с этими горячими пожеланиями, Джикка распространял воззвание к русским, чтобы они не отступались от дела Греции, хранили верность обещаниям, данным за год до того, и энергично возобновили борьбу против турок. Его «Призывы греков к христианской Европе» публиковались по частям в «Notizie del mondo» начиная с 6 июля 1771 г. Они представляли собой нечто среднее между пропагандой в поддержку политики Екатерины II на Балканах и попыткой повлиять на решения самой императрицы, напомнив ей об ее обязательствах; причем автор опирался на европейское общественное мнение по греческому вопросу. Одна из самых значительных европейских газет того времени «*Courier du Bas-Rhin, ou Gazette de Clèves*» с 20 июля 1771 г. начала печатать французский перевод «Призывов», предпослав им краткое введение: «Мы получили с Архипелага, через Италию, документ, которому современные события придают особый интерес и значительность, он озаглавлен „Призывы греков к христианской Европе“. Это нечто вроде большого манифеста на греческом языке, в котором греки очень трогательно и драматично излагают свое ужасное положение под турецким владычеством и свое желание перейти под власть какой-нибудь христианской державы. Нетрудно понять, с какой целью и кем был написан этот документ. Мы решили напечатать его перевод тем охотнее, что,

¹⁰ См.: Докладная записка о гр. А. Джике (от 14 мая 1777 г.). — Сборник имп. русского исторического общества, т. 145. СПб., 1914, с. 410—411.

¹¹ «единственный из греков нового времени, следуя примеру Ксенофонта, соединил литературу с оружием, греческую доблесть с величайшей любовью к отчизне» (лат.). — *Illuministi italiani*. Tomo V, *Riformatori Napoletani*. A cura di F. Venturi. Milano—Napoli, 1962, p. 924 (там воспроизведено все посвящение с параллельным итальянским переводом).

по всей видимости, он не появится на французском языке ни в каком другом периодическом издании, кроме этого».¹²

С несколько бóльшим опозданием — 8 августа 1771 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» был опубликован русский перевод (с итальянского) под заглавием «Вопль греческого народа к европейским христианам». Однако воззвание Джикки привлекло внимание не только европейских политиков и дипломатов. «Призывы греков» читались с большим интересом и любопытством одним молодым русским студентом Лейпцигского университета — Александром Радищевым, который предпринял их русский перевод с французского текста из «*Courier du Bas-Rhin*», перевел также введение, помещенное в этой газете, и оставил дату — 20 июля. Очевидно, он был увлечен возникшими в то лето сложными проблемами в связи с борьбой греков и политикой Екатерины II. Радищев не закончил свой перевод, но все же сохранил его, и сейчас он входит в полное собрание сочинений писателя.¹³

Тем временем в Неаполе в среде греческих и албанских офицеров, как и в среде итальянских журналистов и писателей, в течение всего 1771 г. продолжали живо интересоваться русской политикой. Энтузиазм и надежды подтолкнуть Екатерину II на путь более активного вмешательства в Греции сменяют друг друга и чередуются как в сочинениях Джикки и Пагано, так и в поэтическом сборнике в честь Екатерины — самом заметном неаполитанском издании того года — «*Componimenti poetici di vari autori in lode di Caterina II augustissima imperatrice di tutte le Russie*», посвященном «Теодору Орлову».¹⁴ Если читатель сумеет преодолеть безграничную льстивость и искусственность этих стихов и сонетов на итальянском, латинском, греческом (древнем и новом) языках, то пред его взором возникнет изображение русских и греков, их прошлого и будущего, как бы нарисованное ими самими.

Победы Екатерины II, казалось, обещали освобождение от турок Константинополя, Азии и Европы и особенно — «освобождение Греции от тирании», как писал Томмазо Веласи, один из наиболее активных участников этого сборника.¹⁵ Где уж думать о мире при такой обширной и славной программе? Организатор сборника, подписавшийся инициалами С. Г. С., родом из Вене-

¹² Действительно ли речь шла о переводе с греческого? Сами даты публикаций во Флоренции и в Клеве (6 и 20 июля) заставляют предполагать скорее перевод с итальянского текста из «*Notizie del mondo*».

¹³ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. II. Под ред. Г. А. Гуковского и В. А. Десницкого. М.—Л., 1941, с. 225 и сл.

¹⁴ Мы пользовались экземпляром, хранящимся в библиотеке Неаполитанского университета под шифром: R.XXXII.8. Эта, как и другие итальянские публикации, касающиеся греческих событий (за исключением «*Oratio*» Ф. М. Пагано), были указаны и описаны в книге: *Bilbassoff V. von. Katharina II. im Urtheile der Weltliteratur*. Berlin, 1897, vol. I, p. 166 sgg.

¹⁵ *Componimenti poetici* . . . , p. 64.

цианской республики (возможно, из Кефаллинии), получивший образование в Парме, академик «Аркадии», в описываемый период, как мы знаем, был уж немолод и командовал «полком почти в две тысячи солдат». В его представлении Греция и Россия были как мать и дочь. «Луиджи Морери — парижский ученый историк говорит, что русские являются выходцами из Греции».¹⁶ Только от Екатерины II Греция могла надеяться получить свободу:

Ardir c'ispiri, e coll'ardir c'insegni
Sotto in vessilli tuoi quanto siam forti.
.....
Or che indugia il tuo brando, e non atterra
L'idra crudle?¹⁷

После стольких сухопутных и морских поражений оттоманская империя должна была отныне ждать решающего удара:

E mira Caterina, che dall'alto
Con novo nembo di guerrieri eletti,
Prepara al regno suo l'ultimo assalto.¹⁸

Лишь при условии решительного вмешательства Екатерины Греция могла бы вновь обрести свободу и проявить свою древнюю доблесть:

Unica speme dell'argivo regno,
Deh! Non deponi ancor l'invitta spada.
.....
Mira la bella Grecia a te rivolta
Che il piè ti mostra incatenato, e spera
Solo da te la libertà primiera.¹⁹

Прострашное «Воззвание к Екатерине Второй, императрице всей России, и к христианским государям», из которого извлечены эти последние стихи, оканчивается в пессимистическом, почти безнадежном тоне, а в заключение автор обращается уже не к царице, а к самому господу с просьбой изменить ужасную судьбу, так долго тяготевшую над Грецией. У императрицы

¹⁶ Ibid., p. 1.

¹⁷ Ibid., p. 10, 11. «Ты вселяешь в нас отвагу и с отвагой открываешь нам, Как мы сильны под твоими знаменами. ... Почему же ныне медлит твой меч и не поражает Лютую гидру?» (*итал.*).

¹⁸ *Componimenti poetici...*, p. 20. «И видит Екатерину, которая сверху С новым сонмом избранных воинов Готовит последний удар по ее владычеству» (*итал.*).

¹⁹ *Componimenti poetici...*, p. 57—58. «Единственная надежда греческой земли, Ах! Не складывай еще победоносный меч.. Взгляни на прекрасную Грецию, обращенную к тебе; Она показывает свои оковы и надеется Только от тебя получить свою былую свободу» (*итал.*).

в «Эпilogе» он просит всего лишь позволения открыто выразить надежды угнетенных, возможности

... del mondo cristian io spieghi i voti.²⁰

Это была формула, подобная той, которую употребил Антонио Джикка, также принявший участие в этом сборнике двумя итальянскими сонетами, один из которых он сам переложил в «политические новогреческие стихи». Сочинения эти почти ничего не добавляют к тому, что мы уже знаем о деятельности Джикки и его убеждениях тех лет. Он тоже надеется, что

... alfin risorga
dalle ceneri fredde il greco impero.²¹

Кое-что добавит нам, по крайней мере, новое имя — Паскуале Баффи, который выступил здесь с греческими стихами, переведенными затем им самим на латинский язык. В последующие годы он станет особенно известен своими познаниями в классических языках, а в 1799 г., так же как Пагано, погибнет жертвой антиякобинской реакции.²² Разумеется, и его сочинения были стихами на случай, хотя здесь, конечно, дело не сводилось только к риторике и славословию. Во всем этом сборнике за античными реминисценциями и многочисленными похвалами стояла искренняя тревога за судьбу Греции, надежда, которая, казалось, сблизилась на время эфиротов и итальянцев, греков и русских. Но здесь чувствовалось также, как умирает эта надежда, как рассеиваются эти несбыточные мечты. Теперь до читателей газеты «Notizie del mondo» из России доходили известия совсем другого рода. 3 декабря 1771 г. в корреспонденции из Москвы рассказывалось о происходивших в городе волнениях: «Московская чернь представила нам столь огорчительное зрелище, сколь оно печально для человечества вообще».

Пройдет еще несколько лет, и внимание итальянцев, как и других читателей европейских газет, будет привлечено к русскому восстанию совсем другого масштаба и значения. Надежды греков стали уже воспоминанием прошлого, когда издалека и до Неаполя дошли сведения о восстании Пугачева.

(Перевод Р. М. Гороховой)

²⁰ Componimenti poetici..., p. 61. «...выразить христианского мира призывы» (итал.).

²¹ Componimenti poetici..., p. 111. «...наконец возродится из хладного пепла греческая империя» (итал.).

²² Componimenti poetici..., p. 115; ср.: Dizionario biografico degli italiani, vol. 5, Roma, 1963, p. 157 sgg.